

Лион Фейхтвангер

ТЕТЯ ВРУША

Всякий раз, когда предстоял визит тети Мелитты, мы, дети, знали, что нас ждет небольшой веселый сюрприз, правда, с неприятной развязкой.

Тетя Мелитта была дама среднего роста, худощавая, с дерзким лицом, черными, уже изрядно поседевшими волосами, – хотя ей не было еще и сорока лет, – и пристальным взглядом светлых глаз, которые иногда принимали странно отсутствующее выражение. Тетя Мелитта, – впрочем, она была не родной нашей теткой, а кузиной моего отца, – имела обыкновение, приходя в гости, приносить каждому из нас какой-нибудь подарок, но не «практичные» вещи, а так, приятные безделушки. К тому же она умела интересно рассказывать. Она много повидала на своем веку – стран и людей, а уж когда она говорила о деревьях и цветах, – она была ботаником, – то это выходило у нее не скучно, как в школе, а звучало, словно увлекательные истории. Жизнь некоторых «хищных» растений в ее рассказах была полна захватывающими приключениями, а когда она повествовала о том, как быстро разрастаются тропические джунгли, мы слушали ее затаив дыхание. Особенно четко запомнилась мне одна история, которую ей пришлось рассказывать нам четыре или пять раз, – история какой-то испанской экспедиции семнадцатого века, заблудившейся в лесу: этот лес вокруг нее вдруг начинает разрастаться с такой быстротой, что буйно растущие деревья вскоре отделяют людей друг от друга. В конце концов они не могут двинуться с места, лес в буквальном смысле слова засасывает их.

Но гораздо увлекательнее были рассказы тети Мелитты о происшествиях, приключившихся с нею буквально на днях. На свете просто не было человека, с которым бы случалось столько всякой всячины, сколько с нею. Однажды, например, самоубийца, бросившись из окна, сшиб ее с ног. Или при перевозке бродячего цирка сбежала змея, напала на тетю и плотно обвила ее, и лишь в самую последнюю минуту ее спасли. Какой-то сумасшедший принял ее за памятник и угрожал, что застрелит, если она посмеет шевельнуться, – ведь она же

памятник. Такого рода события происходили с ней в короткие промежутки между визитами к нам.

Но мы очень скоро дознались, что наша тетушка, которая умела с научной точностью описывать страны, людей и особенно растения, все эти истории просто выдумывала. Как только мы сделали это открытие, мы принялись ловить ее на противоречиях и тем подхлестывать ее буйную фантазию. Она из кожи вон лезла, чтобы доказать достоверность своих приключений; ее светло-серые глаза смотрели все пристальней – смотрели куда-то вдаль, словно она искала там новые подробности, которые помогли бы ей перебраться через трясину предъявленных ей противоречий. Под конец, загнанная в тупик, она сидела перед нами с потухшим взором, обескураженная, почти в отчаянии, а мы испытывали глубокое удовлетворение, – теперь она была наказана за свою лживость.

Для нас было развлечением подстрекать ее. Стоило ей появиться, как мы немедленно приступали к ней с вопросами: неужели же за последние дни с ней не произошло ничего интересного; с жестокой радостью мы наблюдали, как она уваливала от этих вопросов, как боролась с искушением рассказать нам очередную фантастическую историю. Но мы не оставляли ее в покое до тех пор, пока она, обессилев в борьбе, не сдавалась, – это мы воспринимали с облегчением и восторгом. Она не могла дольше сдерживаться, ее прорывало, она должна была рассказывать, и она рассказывала. И тогда начиналась вторая часть. Мы выказывали ей свое недоверие, мы дразнили и мучили ее, а она защищала свою ложь, не играючи, а с истовой серьезностью, и мы не скрывали своего злорадства, когда под конец она сидела перед нами пристыженная, расстроенная – разоблаченная лгунья.

Нас просили по-доброму, нам строго приказывали прекратить эту злую игру. Но ни запреты, ни уговоры не действовали. Нас так и подмывало выспрашивать тетю Мелитту о том, что случилось с нею вчера и сегодня. И мы заметили, что и родители наши, против своей воли, тоже увлекались и с интересом наблюдали, как тетя оказывала сначала сильное, потом все более слабое сопротивление и в конце концов поддавалась искушению.

Когда я стал постарше, отец как-то отвел меня в сторону и стал взывать к моей совести. Объяснил мне, каким образом у тети

Мелитты, женщины вообще-то вполне рассудительной, возникла такая причуда. Совсем еще молодой, сразу после замужества, она уехала с мужем, ботаником, в Китай, где он получил место агронома на какой-то большой плантации. Но вскоре после их приезда разразилось боксерское восстание^[1], муж ее был зверски убит, ей, в числе немногих белых, удалось спастись, но она была в тяжелом состоянии – совершенно невменяема, что произошло с ней – этого так и не удалось у нее узнать. На некоторое время она исчезла за стенами, какой-то психиатрической больницы. С тех пор как ее выпустили оттуда, она все время такая. Никогда она не говорила о событиях тех дней, а если заходила речь о Китае или о каких-то происшествиях, сходных с тем, что, по-видимому, пришлось пережить ей, лицо ее каменело, и она вскоре уходила домой. Она явно испытывала потребность поговорить о своих ужасных испытаниях, – и в то же время что-то не пускало ее. Ее выдуманные истории были просто отдушиной, в которой находила себе выход ее тоска.

Однако при всем уважении к умной и приветливой тете Мелитте, при всем сочувствии к ее судьбе мы по-прежнему жаждали острых ощущений от ее вранья, от возможности самим вызвать его и продемонстрировать другим. Лишь повзрослев, я понял, что причуда тети не столько забавна, сколько достойна сострадания. С тех пор я старался помочь ей, как умел. Вскоре я обнаружил, что больше всего она страдала, когда ее вынуждали доказывать достоверность ее историй или уличали в противоречиях. Но зато как благодарна она была, когда слушатели сначала делали вид, что верят ее рассказу, а потом незаметно меняли тему разговора.

Позднее, когда выяснилось, что я не лишен известного писательского дарования, я обрел в тете Мелитте умную, понимающую, благожелательную советчицу. Она настаивала, чтобы во всем, что я пишу, я соблюдал, при любых обстоятельствах, строгую внутреннюю правдивость. С безошибочным чутьем обнаруживала она малейшую фальшь. Я многим обязан ей.

Пришел Гитлер. Тетя Мелитта, хотя ее, быть может, никто бы и не тронул, не могла вынести той великой лжи, в которую превратилась жизнь Германии. Она уехала во Францию. Там она продолжала свой обычный образ жизни: занималась ботаникой и рассказывала свои выдуманные истории.

Началась война и вторжение нацистов. Тетя Мелитта слишком задержалась во Франции, и с приходом нацистов ее интернировали французские власти. Для старой женщины попасть во французский лагерь для интернированных было не шуткой. Смертность там была выше, чем на французском фронте.

Потом я встретил тетю Мелитту в Нью-Йорке. Она выжила, но совсем одряхла. С ней были две женщины – она сидела вместе с ними в лагере во Франции. Женщины рассказывали о своих ужасных испытаниях. Как приходилось голодать в лагере, как там свирепствовала дизентерия, как люди, пробираясь к уборной, увязали в тине, как обитательницы лагеря лишались глотка кофейной бурды, если одна из них лежала в родах, потому что теплая вода нужна была роженице. Тетя Мелитта одергивала своих товарок.

– Перестаньте, все это было совсем не так страшно, – говорила она и переводила разговор на что-нибудь другое.

Позднее эти женщины рассказывали мне, какой деятельной и самоотверженной проявила она себя в лагере.

Многие навещали тетю Мелитту, поздравляли ее со спасением, расспрашивали о ее переживаниях. Она резко, даже грубо отклоняла просьбы что-либо рассказать. Вместо этого она снова рассказывала свои выдуманные истории, с поправкой на американский быт. Так, например, сидя однажды на скамейке в Централ-парке, она подслушала, как два нацистских шпиона обсуждали план взорвать одновременно заводы Дугласа в Санта-Моника и синагогу на Пятой авеню Нью-Йорка, и вот с того дня у ее маленькой машины, на которой она совершает свои ботанические экспедиции, каждый раз таинственным образом оказываются проколоты шины. В другой раз ее похитили два каких-то парня, но когда они увидели, что взять у нее нечего, то заключили пари, на какую высоту она, старуха, может прыгнуть, и заставили ее прыгать до тех пор, пока она не потеряла сознание.

Странно было слушать такие нелепые истории из уст старой дамы. Ее странность вскоре заметили, люди стали этим забавляться и побуждать ее выдумывать все новые и новые приключения. По ту сторону океана ей приходилось не легче, чем по эту.

Недавно она умерла от отравления – поела ядовитых грибов; ей принесли их какие-то случайные знакомые, которых она встретила во

время одного из своих ботанических походов. Сначала никто не хотел этому верить: думали, что какой-то репортер попался на удочку. Но потом выяснилось, что она, ботаник, действительно умерла от ядовитых грибов. Смерть тети Мелитты была ее третьим и последним настоящим приключением.

---

notes

Примечания

1

Боксерское восстание – антиимпериалистическое народное движение в Китае (1900–1901), направленное против иностранного господства.